

МУХАММАД НУРИ ОСМАНОВ
/МОСКВА/

ОМАР ХАЙЯМ. ПОЭТ ЛИ?

Все вы хорошо знаете биографию Омара Хайяма, имеете солидное представление об исторической среде, в которой он жил и творил. Если же вы всего этого не знаете, то можете прочитать во многих книгах как на персидском, так и на европейских языках.

Мне же хотелось бы побеседовать с вами о Хайяме как поэте, о специфичности его художественного стиля.

Хорошо известно, что в Европе и Америке Омар Хайям является самым любимым поэтом Востока, более популярным, чем Фирдоуси, аль-Мутанабби и Хафиз, хотя на родине этих поэтов знатоки изящной словесности, конечно, он не выдерживает с ними никакого сравнения.

Помнится, что в бытность мою в Тегеране мы беседовали о персидской поэзии с моим другом профессором Мозахером Мосаффа. Он заявил, что Хайям — вовсе не поэт, что его сделали поэтом европейские исследователи, что у него нет поэтических образов, именуемых персами *ма'ани*, что лишь условно можно перевести словом образ (image). И, как нам представляется, объяснение тому, что Хайям не был так популярен как, например, Саади и Хафиз, надо искать в том, что для персидского читателя он был поэтом необычайным, резко отличавшимся от других поэтов характером творчества, системой образов, изобразительными средствами.

По персидским литературным канонам, в поэте больше всего ценят умение создать новые образы, по-персидски (*معانی*). Отметим, что содержание понятий (*معانی*) и „образ” не совсем совпадают. В европейской поэзии образом называют тропическую фигуру или применение различных средств поэтической выразительности. Можно, например, удобить красавицу — розе, стан красавицы — кипарису, и тогда роза станет образом красавицы, кипарис — образом стройного стана. Созданный каким-либо поэтом, этот образ при повторении теряет оригинальность, превращается в литературный штамп, клише. В персидской поэзии всё по-иному: в стихах каждого поэта десятки и сотни раз встречаются „розы” и „кипарисы”, но они служат лишь своего рода основой образа, которая превращается в действительный образ (*معانی*) только с помощью при-

влечения новых стилистических и поэтических средств, установления новых семантических связей. Эти вариации на одну и ту же тему — первооснову составляют одну из характерных черт персидской поэзии. (Истати, эта особенность персидской поэзии весьма затрудняет адекватный перевод ее на европейские языки, перенесение в сферу иных литературных традиций. „Вторичные” изобразительные средства, семантические и стилистические ассоциации, играющие столь важную роль в структуре персидского образа, часто исчезают, опускаются при переводе как „несущественные детали”. В результате подлинное поэтическое содержание, авторское видение предмета и манера изображения его оказываются утраченными).

В поэзии Хайяма, с точки зрения канонов персидской поэзии, образов (**معانی**) сравнительно мало, его стихи почти лишены „вторичных” изобразительных средств, они как бы оголены и предстают перед читателем в форме прямо выраженной мысли. Говоря иными словами, стихи Омара Хайяма автологичны, а не металогичны. В стихах Хайяма образность переносное выражение достигается прежде всего не созданием и варьированием старых тропов, а художественным вымыслом иного порядка, основанным на принципах контрастности и сюжетных поворотов. Эта особенность выводит его из числа канонических персидских поэтов и объясняет почему персидские ценители поэзии долго не решались признать его поэтические достоинства.

Рубаи (четверостишие) не выступает основная жанровая форма ни у одного персидского поэта, кроме Омара Хайяма (только четверостишиями представлено творчество еще одного поэта XI в. — Баба Тахира, однако его стихи написаны в форме дубайти, отличающимся от рубаи стихотворным метром). В форме рубаи писали преимущественно лирические или философские стихи (хотя изредка встречаются даже панегирические рубаи). Пожалуй, можно назвать рубаи преимущественно философским жанром, так как даже интимно-лирические рубаи у персидских поэтов пронинуты определенным философским настроением.

Уже сам объем рубаи — четыре строки, из которых три (иногда и все четыре) рифмуются между собой, диктует определенные условия организации текста, подбора средств поэтической выразительности. В рубаи, разумеется, не может быть эпического начела, в нем невозможны детальные описания, психологическая детализация. Жесткие рамки формы требуют от поэта высокого мастерства и таланта. Хайям, избрав этот жанр, остался в нем непревзойденным: даже рубаи такого гениального поэта, как Хафиз, уступают хайямовским.

Рубаи Омара Хайяма отличаются от стихов других персидских поэтов также природой лирического героя. Разумеется, не обладая подробными (и достоверными) биографическими данными об Омаре Хайяме, трудно сказать, насколько образ лирического героя в его стихах тождествен автору, — скорее можно говорить об обобщенном, персонаже, воплощенном в поэтической форме черты р и н д а , вольнодумца-гуляки, столь популярного в кругу литераторов и образованных людей Ирана и Средней Азии в XI—XII вв. „Обозначен” лирический герой бывает по-разному: он выступает и как повествователь от первого лица, и как адресат,

к которому обращается автор, и как собирательный тип, олицетворяющий все человечество.

Персидская лирика X—XI вв., из недр которой выросло творчество Хайяма, в основном развивалась в двух жанровых формах: *насыда* (панегирик) и *газель* (любовно-лирическое стихотворение), причем газель как форма сложилась значительно позднее. И в насыде, и в газели персидских поэтов X—XI вв. лирический герой во взаимоотношениях с мамдухом (восхваляемым) и возлюбленной выступает как личность неравноправная, приниженная. Поэт X—XI вв. называет себя „рабом“, а возлюбленную или мамдуха — „властелином“, „султаном“, „ладишахом...“ Для художественной иллюстрации взаимоотношений между этими персонажами поэты X—XI вв. широко пользуются парными сравнениями типа: *сон — трясина, орел — утка, барс — олень, левантилопа* и пр., — первый член сравнения служит образом мамдуха или возлюбленной, а второй — лирического героя. Во взаимоотношениях с судьбой лирический герой персидской поэзии X—XI вв. также занимает подчиненное положение: он целиком зависит от нее и безропотно сносит удары рока и „жоловращение небес“, считая борьбу или сопротивление бесполезными. Самый великий из персидских поэтов X в. Рудани, в творчестве которого намечаются определенные черты независимой личности, пишет о судьбе и людях в таких выражениях:

جمله صید این جهانیم ای پسر ما چو صعوه مرك برسان زغن
هر کلي پژمرده کرد زود نه دير مرك بفشارد همه در زير غن

О взаимоотношениях лирического героя и судьбы (или этого мира) Рудани пишет и в других своих стихах:

جهانا چيني تو با بچگان که که مادری گاه مادرندری

У Рудани и других поэтов лирический герой сравнивается с шаманом, а судьба (или „этот мир“) — с кумиром, идолом, что опять-таки подчеркивает зависимый характер их взаимоотношений. Не только призыва к бунту против несправедливости судьбы, но даже слабого намерения на протест не найдешь у поэтов X в. Они констатируют факт произвола рока и лишь иногда выражают нечто вроде недовольства. Коллизии творец — лирический герой у предшественников Хайяма мы не находим вовсе. (Исключены в этом отношении представляют лишь некоторые стихотворения Насира Хосрова, в частности „Спор с богом“, однако подлинность и атрибуция его весьма сомнительны). Только у Омара Хайяма впервые в истории персидской поэзии художник резко заявляет о своих разногласиях с создателем, вступает с ним в полемику и бунтует против него. Хайям — первый персидский поэт, который ввел в свои стихи идею конфликта между поэтом и творцом, а коллизию поэт — судьба, наметившуюся в литературе X в., разработал в целостную поэтико-философскую концепцию.

Хайям многократно варьирует мысль о врандешности судьбы и человеку:

کر کار فلک بعدل سنجیده بدی
 احوال فلک جمله پسندیده بدی
 و در عدل بدی بکارها در کردن
 کی خاطر اهل فضل رنجیده بدی

ز آوردن من نبود کردن را سود
 و ز بردن من جاه و جمالش نغزود
 و ز هیچ کسی بنو دو کوشم نشنود
 کاوردن و بردن من از بهر چه بود

Мотив карающего неба, безжалостной судьбы в четверостишиях обретает разные художественные, формы нередко аллегорические, но это лишь различные выражения мысли об универсальной, всеохватывающей власти неотвратимого рона:

می خور که فلک بهر هلاک من و تو
 قصدی دارد بجان پاک من و تو
 در سبزه نشین و می روشن میخور
 کاین سبزه بسی دمد ز خاک من و تو

Столкновение индивида с судьбой (небом, этим миром) в стихах Хайяма не ведет к мирному исходу, личность в этой схватке терпит поражение, она гибнет. Однако дух лирического героя не сломлен, он не раскаивается и не признает себя побежденным.

Омар Хайям в своих стихах не предлагает читателю стройной, положительной концепции мироздания и человеческой личности, он не пишет о том, каким представляется ему идеальный мир, каким, по его мнению, должен быть человек, какими положительными качествами тот должен обладать. Он только отрицает существующее, отрицает то, что изображается положительным и святым в Коране, отвергает мораль и нравственные устои, навязанные людям мусульманством. Он прекрасно владеет логикой и часто использует ее как оружие против мусульманских догм, вскрывая противоречия, содержащиеся в Коране, отрицая здравый смысл Священного писания мусульман.

Но логика — инструмент ученого, в поэзии же на первый план выступают задачи эмоционального воздействия на читателя. В этом смысле

интересны стихи, в которых лирический герой как бы выясняет свои взаимоотношения с творцом. Омар Хайям страстно, порывисто протестует против смерти, призывает к радостной, полной мирских, чувственных наслаждений жизни. Смерть противоестественна — и однако по воле и желанию творца она неизбежна. Поэт вступает в полемику с богом, выражая свой гневный бунт против неумолимой смерти:

دارنده چو ترکیب طبايع آراست
از بهر چه او فکندش اندر کم و کاست
گر نیک آمد شکستن از بهر چه بود
ور نیک نیامد این صورت همب کراست

Ноль скоро смерть неотвратима, а жизнь — быстротечна, она кажется Хайяму бессмысленной, лишенной какой-либо положительной цели. Но и в мир иной Хайям не верит, подвергая, таким образом, сомнению одному из основ ислама. Он резко восстает против надежды на загробную жизнь и призывает получить от реальной жизни все возможное:

خوش باش که پختماند سودای تو دی
فارغ شدماند از تمنای تو دی
قصه چه کنم که بی تقاضای تو دی
دادند قرار کار فردای تو دی

Характерная особенность лирического героя в стихах Хайяма — это полное отрицание им всего того, что считается святым у правоверных мусульман, отказ от покорности богу. Однако нет оснований изобразить Хайяма законченным атеистом, как это делают в некоторых современных изданиях. Лирический герой Омара Хайяма отчуждает себя от творца, не признает справедливости его приговора, справедливости предопределения, но самого творца он не отрицает. Он полемизирует с богом, укоряет его, восстает против него, — но не подвергает сомнению его существование.

Хайям не отрицает бога, но он отрицает многое в религии: веру в загробную жизнь, существование рая и ада. Легенда о рае служит ему одним из поэтических средств для оправдания земных чувственных наслаждений:

کوبند بهشت و جور و کوثر باشد
جوی می و شیر و شهد و شکر باشد
یک جام بده بیاد آن ای ساقی
نقدی ز هزار نسیه بهتر باشد

گویند بهشت و حور عین خواهد بود
 و آنجا می ناب و انکبین خواهد بود
 گر ما می و معشوقه پرستیم رواست
 آخر نه بعاقبت همین خواهد بود

Хайям не только не отрицает бога, напротив, он признает его могущество, способность определять все сущее, все явления во вселенной. Полагая господа первопричиной всех людских поступков, Хайям этим оправдывает свое „право на грех“ — в духе рассуждений средневековых богословов:

چون روزی ز عمر بیرون کم نتوان کرد
 دل را بچنین عصبه دژم نتوان کرد
 کار من و تو چنانکه رای من و تست
 از موم بدست خویش هم نتوان کرد

یا رب تو جمال آن مه مهر انگیز
 آراسته بسنبل و عنبر — ریز
 پس حکم همی کنی که دروی منکر
 این حکم چنان بود که کج دار و مریز

Вину за людские грехи Хайям возлагает на бога:

از آب و کلم سرشته من چه کنم
 وین پشم و قصب تو رشته من چه کنم
 هر نیک و بدی که از من آید به وجود
 تو بر سر من نوشته من چه کنم

Существование бога для Хайяма — реальность, печальная действительность. Он восстает против этой действительности, илняет бога за несправедливость, отсутствие милосердия, даже за отсутствие здравого смысла:

از خالق کردگار و ز رب رحیم
 نومید نیم به جرم و عصیان عظیم
 کرمت و خراب بوده باشم امروز
 فردا بخشد به استخوانهای رصیم

مهرسیدی که چیست این نقش مجاز
 کر هر گویم حقیقتش هسست دراز
 نقشبست پدید آمده از دریاپی
 و آنکاه شده به قعر آن دریا باز

Разумеется, называть Хайяма атеистом, равно как и утверждать, что он стоял на материалистических позициях, совершенно неправомерно. Омар Хайям признавал существование бога и полемизировал с ним, — о последовательном материализме нечего и говорить. Но вместе с тем нельзя не признать, что в стихах Хайяма постоянно проходит мысль о вечном круговороте физического субстрата всех вещей, материи, мысль, которая в корне подрывает идею о вечности духа; а его настойчивое отрицание загробной жизни, рая и ада противоречит одному из основных религиозных догматов о воздаянии на том свете.

در کارکه کوزه کری رفتم دوش
 دیدم دو هزار کوزه کویا و خموش
 از دسته هر کوزه بر آورده خروش
 کو کوزه مکر و کوزه مخر و کوزه فروش

بر کبر پیهاله و سبوی دلجوی
 تا بخرامیم کرد باغ و لبجوی
 بر شخص همیزرا که چرخ بد خوی
 صد بار پیهاله کرد و صد بار سبوی

از کوزه‌گری کوزه خریدم باری
 آن کوزه سخن گفت زهر اسراری
 شاهی بودم که جام زرینم بود
 اکنون شده‌ام کوزه هر خماری

این کوزه که آبخواره هر دوریست
 از دیده شاه‌یست و دل دستوریست
 هر کاسه می که در کف مخموریست
 از عارض مستی و لب مستوریست

Идея вечного круговорота материи (в понимании того времени) в стихах Хайяма выражена в теме гончара, который лепит кувшины из глины — вчерашнего праха умерших, в непрерывных превращениях глины в человека, человека в прах, в теме вырастающих из праха травы и цветов.

Особенно поэтичны и выразительны рубаи, в которых кувшин или чаша обретают дар речи и вступают в беседу с лирическим героем. Неодушевленные предметы оживают, снвозь неживую материю проступают черты мыслящего существа, человеческие черты. Однако это слияние природы с человеком (или человека с природой) не походит на суфийское миническое растворение всего сущего, всего живого и неживого в абсолютном божестве. У суфиев человек умирает, чтобы вернуться в оеозрежнный, бесконечный океан божественной сущности. У Хайяма человек перестает существовать материально, чтобы превратиться в другой вид материи. В суфийской поэзии лирический герой — нечто, а бог — все. Хайяму такое противопоставление чуждо, в его стихах равны глина, прах человеческий и сам человек, ибо они — проявления одной и той же материальной основы.

Художественный прием, к которому Хайям прибегает в четверостишиях, условно группиремых вокруг темы гончара, необычайно экспрессивен. Собственно, это один из видов прозопопеи (олицетворения) европейской поэтики. Эта разновидность олицетворения широко применяется Хайямом в его четверостишиях и несомненно является одной из его творческих особенностей: в произведениях его предшественников этот прием почти не встречается.

В поэзии Хайяма в отличие от других произведений персидской поэтической классики выразительность преобладает над изобразительностью, экспрессивность над образностью. У Хайяма мало сравнений и метафор, нет детализации описания, у него вообще отсутствует красочное описание (васф), столь характерное для персидской поэзии в целом. Попробуем сравнить, как описывают вино Рудани и Хайям (отметим, что

в плане соотношения изобразительности и экспрессивности Рудани стоит ближе к Хайяму, чем другие поэты). Рудани пишет:

بیار آن می که پنداری روان یاقوت نابستی
 و یا چون برکشیده تیغ پیش آفتابستی
 بپاکی کویی اندر جام مانند کلابستی
 بخوشی کویی اندر دیده بیخواب خوابستی
 صحابستی قدح کویی و می قطره سحابستی
 طرب کویی که اندر دل دغای مستجابستی
 اگر می نیستی یکسر همه دلها خرابستی
 اگر در کالبد جان را ندیدیستی شرابستی
 اگر این می بابر اندر بچنگال عقابستی
 ازان تا ناکسان هرگز نخوردندی صوابستی

В этом отрывке вино описано весьма красочно, зримо, и вместе с тем дано изображение его воздействия, в описании сочетаются изобразительное и выразительное начало, причем изобразительность доминирует над экспрессивностью. Сравним теперь с этим стихотворением рубаи Хайяма:

يك جرعه می کهن زملکی نو به
 وزهرچه نه می طریق بیرون شو به
 در دست به از تخت فریدون صد بار
 خشت سر خم ز تاج کبخسو به

Художественная структура здесь основана на едином принципе антитезы, одна антитеза (чарка вина — держава, назна) сменяется другой (затычка от кувшина — венец Ней-Хосрова, трон Фаридуна). Позиция лирического героя, казалось бы, выражена, но вместе с тем совершенно ясно, что вино дано не в изображении его внешних качеств, зрительных особенностей, а в его сущностной характеристике, через оценку и эмоции лирического героя, хотя он и не фигурирует, а лишь подразумевается.

С точки зрения соотношения выразительности и изобразительности характерно следующее рубаи, также построенное на художественном сопоставлении контрастных явлений:

يك جرعه می ز ملك كاوس بهست
 وز تخت قباد و ملكت طوس بهست
 هر ناله كه رندی به سحرگاه زند
 از طاعت زاهدان سالوس بهست

Тема вина в стихах Хайяма заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее. Часто Омара Хайяма трактуют как гедониста, бездумного певца вина и чувственных наслаждений. Возможно, начело такой трактовки положил отбор рубаи в переводе Фицджералд, но главную роль, безусловно, сыграло направленное восприятие читателей. Человек обладает особым чувством эстетического отбора: из онеана разнообразных мыслей, гамм чувств, предоставляемых в его распоряжение художественным текстом, он отбирает то, что ему по душе, по вкусу. Конечно, в четверостишиях Хайяма можно найти такие, которые допускают интерпретацию в гедоническом плане, например:

گر می نوشد کدا به میری برسد
 در رو بهی خورد به شیری برسد
 در پیر خورد جوانی از سر گیرد
 در زانکه جوان خورد به پیری برسد

В определенной мере с этими строками перекликаются некоторые стихи Рудани:

زان می که سرشکی از ان در چکد بنهیل
 صد سال مست باشد از بوی او نهنگ
 آهو بدشت اگر بخورد قطره می ازو
 غرنده شیر کردد و نندیشد از پلنگ

Однако вино как поэтический образ у Хайяма и Рудани имеет существенное отличие: в стихах основоположника персидско-таджикской поэзии и его современников вино является самостоятельным поэтическим „персонажем“, выступает как нечто имманентное, самодовлеющее, оно предметно и вполне реально. У Хайяма же вино — вспомогательное поэтическое средство, служащее главным образом для раскрытия сущности лирического героя.

Трактовка темы вина у Омара Хайяма намного глубже, чем в известном классическом жанре хамрийат („винная поэзия“), где описываются

нан само вино, так и его свойства. Вместе с тем Хайям далек и от суфийского понимания вина, согласно которому этот напиток рассматривается как средство (или как символ) экстатического исчезновения личности, отчуждения ее от всего земного для слияния с абсолютным, т.е. с богом.

Вино в стихах Хайяма — поэтический образ, служащий ему средством самовыражения, самоутверждения и отчуждения от религиозных запретов. Для Хайяма вино — символ земных радостей и борьбы с религиозным ханжентвом, способ выражения протеста против существующей действительности, бунта против человеческой ограниченности.

В четверостишиях Хайяма встречаются некоторые традиционные поэтические изобразительные средства, однако они не являются определяющей чертой его стиля, они играют роль лишь усиления выразительности, как, например, в следующих стихах:

بر روی نکوی و لب جوی و مل و ورد
تا بتوانم میش و طرب خواهم کرد
تا بوده ام و باشم و خواهم بودن
می خورده ام و میخورم و خواهم خورد

Для художественных средств рубаи Хайяма характерно также преобладание функционального начала над зрительным. У предшественников Хайяма изобразительные средства, основанные на зрительном восприятии (главным образом, эпитеты и сравнения), составляют около половины всего их арсенала; некоторые персонажи в стихах этих поэтов, как например, объект сатиры, описаны по преимуществу изобразительными средствами, а доля последних в теме „возлюбленная“ составляет почти 50 процентов.

Число примеров, свидетельствующих об абсолютном превосходстве у Хайяма экспрессивного начала творчества над изобразительным, легко можно увеличить. Предметное изображение служит этому поэту лишь неким фоном для эмоционального выражения, описанию внешних свойств отводится служебная роль при сущностной характеристике явлений. Стихи Хайяма можно назвать функциональной поэзией в отличие от описательной поэзии большинства персидских авторов.

Выше мы сопоставляли описание вина у Хайяма и у Рудани — основоположника персидско-таджикской поэзии. Попробуем сравнить как трагуют два поэта тему „возлюбленная“. У Рудани находим:

ای از کل سخ رنگ بر بوده و بو
رنگ از بی رخ ره بوده بو از بی مو
کل رنگ شود چو روی شویی همه جو
مشکین کردد جو مو فشانی همه کو

Как видим, четверостишия Рудани — описательны, причем описание строится по принципу подбора внешних признаков (цвет, запах) и связанных с ними ассоциаций.

У Хайяма нельзя найти ни одного рубаи, которое было бы целиком посвящено описанию возлюбленной. Более того, в стихах Хайяма нет персонажа возлюбленной, с определенной внешностью и душевным складом, он вообще не тратит слов на ее изображение, возлюбленная служит для него лишь поэтическим аксессуаром для утверждения мысли о примате земного мира над обещанной загробной жизнью. Образ возлюбленной, как и образ вина, — средство поэтического протеста автора против существующего. Как правило, возлюбленная перечисляется вместе с другими атрибутами веселой жизни ринда-вольнодумца.

صحرا رخ خود به ابر نوروز بهشت
 وین دهر شکسته دل ز نو کشت درست
 با سبزخطی به سبزهزاری می خور
 شادی کسی که سبزه از خاکش رست

У Хайяма мы не найдем мотива единственной и неповторимой возлюбленной, в его стихах нет чувства неразделенной любви, нельзя усмотреть неравноправного положения героя по отношению к любимой. Образ возлюбленной в стихах Хайяма — не авторская самоцель, не повелительница, жестокая и коварная, не активная личность — это вообще не личность, а лишь литературный символ, предназначенный для противопоставления религиозным догмам.

Б художественной структуре стихов Омара Хайяма большую роль играет такой поэтический прием, как оппозиция, состоящий в том, что противопоставляются не только явления, составляющие антитезу, но и предметы и явления иного ряда. У Хайяма оппозиция не ограничивается рамками одного рубаи, она пронизывает весь строй его стихов. Лирический герой поставлен в оппозицию с судьбой и творцом, радости этого мира находятся в оппозиции с обещанными богами загробного рая, мирские утехи простых людей противопоставлены и царской власти и райским наслаждениям. Встречаются у Хайяма и рубаи, целиком построенные на принципе оппозиции и антитезы:

Подобное написание контрастных явлений, нарочитое соположение противостоящих друг другу полюсов создает большой художественный эффект, придает стихам особую выразительность, непреложную убедительность.

Красавица, вино, трава и цветы в стихах Хайяма поставлены в оппозицию с гуриями, райскими розами и фонтанами, земное противопоставлено неземному, снеспис ученого — тупому упорству догматина, искренность лирического героя — ханжеству и лицемерию святош, жизнь противопоставлена смерти, бытие — небытию.

Омар Хайям занимает в ряду персидских поэтов исключительное место. Возможно, он не самый великий из них (на и кто возьмет на себя

раздачу грамот на величие?), но, пожалуй, можно сказать, что Хайям — наиболее самобытный, не похожий ни на кого другого и вместе с тем — самый общечеловечный.

OMER HAJJAM, PJESNIK?

R e z i m e

Rad M. N. Osmanova, »Je li Omer Hajjam pjesnik?« i svojim naslovom izaziva znatiželju, jer nagoviještava zanimljive naučne opservacije o jednom, u naučnom i kulturnom svijetu, dobro poznatom pjesničkom imenu. U radu se tretira pjesnička ličnost Omera Hajjama, velikog i najslobodoumnijeg perzijskog pjesnika s početka XII vijeka, kome su u vlastitoj domovini često odricane pjesničke vrijednosti, dok se on van domovine, naročito na Zapadu, smatra jednim od najvećih pjesnika Perzije i Srednje Azije uopće. Autor analizira zašto je Omeru Hajjamu u domovini osporavana pjesnička vrijednost. Upoređujući njegovu poeziju (rubaije) sa poezijom veterana perzijskih pjesnika Rudekija, s kojim ga je moguće djelomično porediti, autor iznosi razloge što je Hajjam u domovini tako tretiran, da bi na kraju utvrdio samobitnost njegove slobodoumne pjesničke ličnosti kao i njegove poezije koja predstavlja specifikum u cjelokupnoj perzijskoj književnosti. Na osnovi ovih uporednih analiza Rudekijevih i Hajjamovih stihova, autor je izveo ubjedljiv zaključak o visokoj vrijednosti i specifičnosti Hajjamove poezije i životne filozofije koju je kroz poznate svoje rubaije pjesnički iskazao. Ove analize, upoređenja i opservacije su popraćene i dokumentovane stihovima Rudekija (17 stihova) i sa 21 Hajjamovom rubaijom.